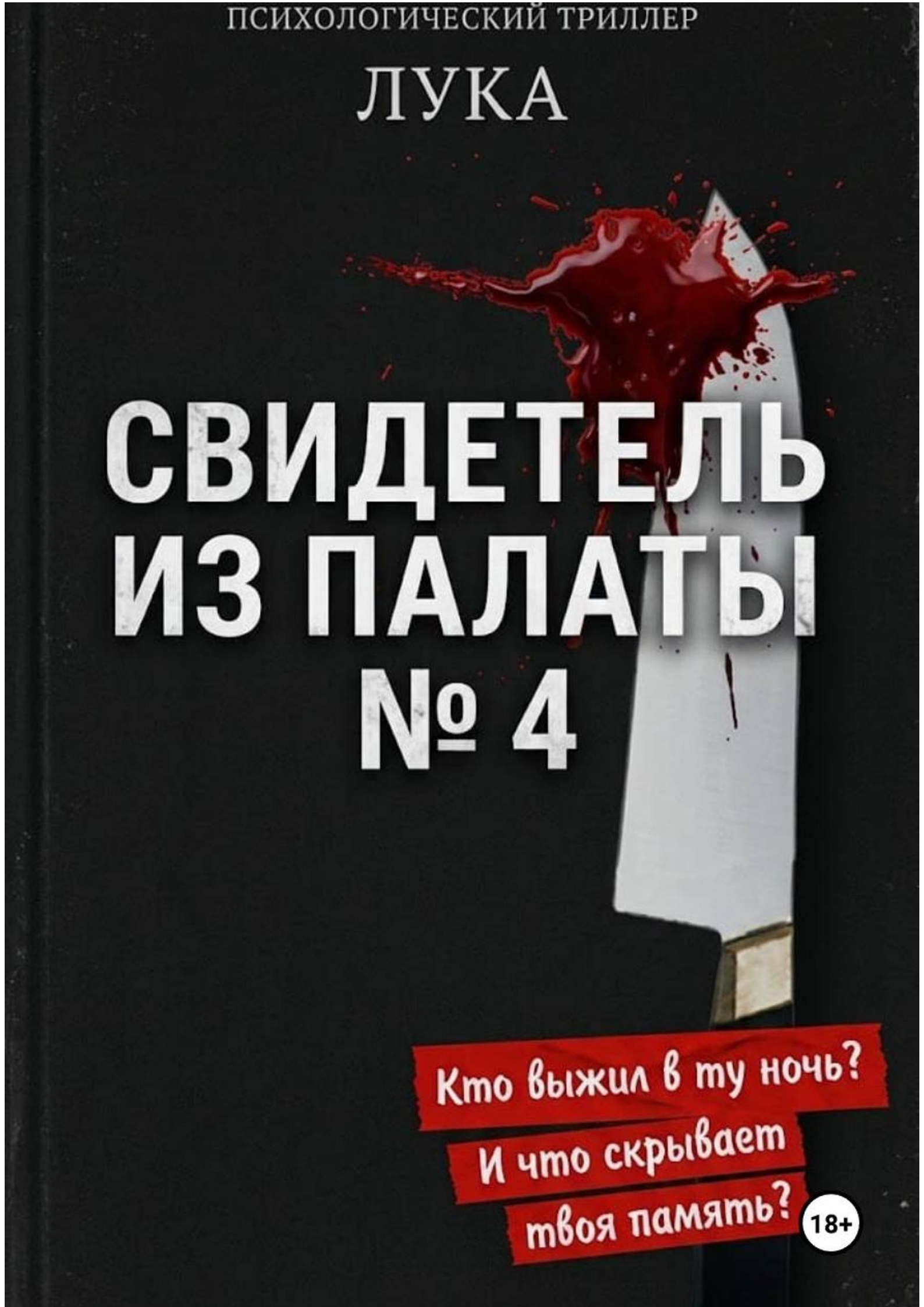
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

ЛУКА

СВИДЕТЕЛЬ ИЗ ПАЛАТЫ № 4

Кто выжил в ту ночь?
И что скрывает
твоя память?

18+

Лука Радов

Свидетель палаты #4

«Автор»
2026

Радов Л.

Свидетель палаты #4 / Л. Радов — «Автор», 2026

Запах хлорки, монотонный писк кардиомонитора и острая боль под рёбрами. Я очнулся в пустой палате, не помня почти ничего о случившемся в заброшенном цехе. В памяти лишь обрывки: ночь, хлещущий ливень, вспышки мигалок и кровь.Медсестра шарахается от моей койки в первобытном страхе, а вошедший следователь сухо произносит слова, которые звучат страшнее смертного приговора: найдены трое погибших. Мои друзья — Марк, Ева, Феликс — не выбрались. Уцелел лишь я один.Почему дверь в палату закрывают на тяжелый засов снаружи? Кто на самом деле устроил резню в старых руинах? И главное — какую правду отчаянно пытается скрыть моя собственная заблокированная память?

© Радов Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Лука Радов
Свидетель палаты #4

Глава 1

Глава 1. Что-то изменилось той ночью Ночь. Сине-красные всполохи полицейских мигалок, режущие темноту. Ветер выл не замолкая, а ливень с громом обрушились на землю с такой силой, будто небо решило покарать этот город за грехи. Я почти ничего не помню о тех часах. В памяти вспыхивают лишь рваные куски: бетонные стены заброшенного здания, сорванные крики друзей, чавканье грязи и липкая, тёплая кровь. Помню, как меня заталкивали в карету скорой. Всё моё тело ныло от ссадин и глубоких синяков, но сильнее всего жгло под рёбрами — там, где расползался длинный, рваный разрез поперек живота.

Дождь, вой ветра, сирены — всё словно смыло. Я начал приходить в себя от резкого, ослепляющего света, впивающегося в глаза. Единственное, что удавалось разглядеть сквозь мутную пелену — выбеленный, идеально ровный потолок. В нос ударил тяжёлый запах медикаментов и едкого антисептика. Живот и рёбра скрутило тупой, ноющей болью при первой же попытке вздохнуть глубже. Я скосил глаза: пустая палата. Ни души. Только монотонный писк какого-то прибора у изголовья. Я попытался позвать на помощь, но из горла вырвался лишь жалкий, хриплый сип — связки пересохли так сильно, что даже я сам с трудом расслышал собственный голос. В нём не было сил, только животное отчаяние. Спустя несколько минут туман в голове чуть рассеялся. Опустив руку на край койки, я нащупал пластиковый пульт с красной кнопкой вызова персонала и нажал её не раздумывая. Прошла минута. Дверь тихо скрипнула, и в палату вошла молодая девушка — стройная медсестра, на вид лет двадцати трех, в светло-голубом медицинском костюме.

Ливень, завывание ветра, сирены — всё оборвалось в одну секунду, будто в старом кинотеатре посреди фильма щелкнул рубильник, оставив после себя лишь гудящую темноту. Возвращение было мучительным. Сначала вернулся звук — монотонный, мерзкий электронный писк, бьющий точно в висок через равные промежутки времени: пик… пик… пик… Потом пришёл запах. Густая, удушливая смесь спирта, хлорки и чего-то сладковато-гнилостного, от чего к горлу мгновенно подкатил кислый ком тошноты. Я с трудом разомкнул веки. Ресницы слиплись, перед глазами всё двоилось и плавало в молочном тумане. Свет. Слишком яркий, беспощадный свет люминесцентных ламп вгрызался в зрачки, вызывая острую боль где-то за глазницами. Пришлось несколько раз тяжело моргнуть, смахивая выступившие слезы, пока пятна на потолке не обрели четкие контуры. Выбеленные плитки. Ровные стыки. На одной из них — грязный след от когда-то убитого комара. Я попробовал повернуть голову набок, и в эту же секунду тело наказало меня за малейшее движение. Под рёбрами словно провернули раскалённый металлический прут. Резкая, ослепляющая вспышка боли выбила весь воздух из легких. Я задохнулся, вцепившись пальцами в простыню — грубую, больничную, пахнущую свежей глажкой и холодом. Боль не отпускала. Она пульсировала в животе тяжёлыми, горячими толчками. Опустив подбородок настолько, насколько позволяла затекшая шея, я посмотрел на себя. На мне была казенная просторная рубаха из блеклой ткани, завязанная на боку. Из-под неё, чуть выше таза, проглядывал массивный слой марли и широкого белого пластыря. Повязка казалась слишком толстой, но прямо по центру сквозь слои бинта уже проступало темно-бурое пятно размером с ладонь. Свежая кровь. Разрез. Я вспомнил холодное лезвие. Или это было стекло? Память буксовала, подсовывая лишь обрывки звуков: треск, звон, чей-то сдавленный всхлип в темноте коридора заброшки… — Эй?.. — попытался выдавить я. Но связки одеревенели. Горло саднило так, словно туда засыпали битого кирпича. Вместо слова наружу вырвался

лишь сухой, жалкий хрип, который потонул в гуле вентиляции. Никто не отозвался. Я заставил себя осмотреться внимательнее. Палата была пустой. Ни соседей по койкам, ни тумбочек с передачами от родственников, ни цветов. Только голые серо-зеленые стены, металлическая стойка с полупустым пластиковым пакетом прозрачного физраствора, от которого тонкая прозрачная трубка тянулась к тыльной стороне моей левой кисти. Игла сидела под кожей, стянутая полосками скотча; вокруг вены вздулся синеватый синяк. Окно справа было плотно занавешено толстыми серыми жалюзи. Сквозь узкие щели не пробивалось ни луча солнца — похоже, за стеклом стоял глухой вечер или снова собиралась непогода. И тишина. Не нормальная больничная тишина, где где-то вдалеке переговариваются врачи, стучат колесики каталок или хлопают двери, а вакуумная, тяжелая, как в бункере. Паника подкралась незаметно, ледяной волной осев в груди. Где остальные? Где ребята? Марк… Ева… Феликс? Их вытащили? Они здесь, этажом ниже? Или… Перед глазами на долю секунды мелькнула вспышка — темнота, пол, залитый чем-то темным и скользким, и белые кроссовки Алины, неестественно вывернутые в сторону. Сердце пропустило удар, монитор у изголовья заверещал чуть быстрее: пик-пик-пик… — Тихо… дыши, — прошептал я сам себе одними губами. Дышать не получалось — каждый вдох натягивал зашитые края раны, грозя порвать швы. Нужно было срочно позвать хоть кого-то. Спросить. Узнать правду. Опустив здоровую руку вдоль матраса, я нащупал толстый витой провод. Он вел к маленькому продолговатому пульту из дешевого серого пластика с единственной круглой красной кнопкой по центру. Пальцы мелко дрожали, не слушаясь, но я прижал кнопку большим пальцем изо всех сил. Где-то над дверью тихо щелкнуло реле. Загорелся тусклый диод. Я замер, уставившись на тяжелую дверь палаты. Секунда. Две. Пять. Никаких торопливых шагов в коридоре. Только тот же монотонный зуммер аппаратуры и стук крови в моих собственных висках. Прошла минута, показавшаяся бесконечной. Я уже потянулся вдавить кнопку еще раз, решив, что сигнал сломан, как вдруг с той стороны двери раздался тихий, почти неслышный металлический лязг — словно снаружи отодвинули тяжелый засов. Дверная ручка медленно, с легким сопротивлением, поползла вниз.Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы протиснуться человеку. В палату вошла девушка. Худощавая, небольшого роста, лет двадцати трех на вид, в бледно-голубом медицинском костюме. Волосы были убраны в строгий хвост на затылке, а лицо казалось совсем юным и почти детским, если бы не глаза — чересчур напряженные, цепкие, обведенные темными кругами от недосыпа. Она вела себя… странно. Обычно медсестры входят с деловитой уверенностью: гремят подносами, поправляют одеяла, на ходу бросают дежурные фразы. Эта девушка двигалась почти бесшумно, ступая на носках резиновых кроксов, словно зашла в клетку к дикому животному, которое только что проснулось. Она не стала подходить к кровати вплотную. Сначала замерла в метре от койки, уперев взгляд мне в лицо, словно выискивала что-то в моих зрачках. Ее пальцы нервно перебирали края планшета с историей болезни. — Добрый вечер, — ее голос прозвучал тише, чем следовало бы, с легкой, едва уловимой дрожью. — Вы очнулись. Как вы себя чувствуете? Голова кружится? Помните свое имя? Я с трудом сглотнул вязкую слюну, попытавшись кивнуть, но от движения шеи к горлу снова подступил спазм. — Помню… — вытолкнул я через силу. Голос прозвучал хрипло, надтреснуто. — Живот… горит. Медсестра помедлила еще секунду, прежде чем сделать шаг вперед. Было видно, как каждый сантиметр приближения к моей кровати давался ей с усилием. Она натянула тонкие латексные перчатки — резкий резиновый щелчок прозвучал в тишине палаты как выстрел — и осторожно отогнула край казенной рубахи. Ее холодные пальцы через резину коснулись моей кожи рядом с повязкой. Меня передернуло от озноба. Она молча, почти не дыша, отлепила край широкого пластыря. Потревоженная рана отозвалась глухой пульсацией. Девушка бегло осмотрела черные нити швов, стягивающие неровные, рваные края рассеченной плоти. На ее лице мелькнула странная гримаса — не профессиональная брезгливость, а смесь страха и глубокого, необъяснимого отторжения. Словно под бинтами была не человеческая плоть, а следы чего-то проти-

воестественного. Она быстро прилепила пластырь обратно и отстранилась на шаг назад, словно облегченно выдохнув. — Швы держат. Воспаления пока нет. Обезболивающее в капельнице скоро начнет действовать сильнее. Она уже развернулась, собираясь уйти так же быстро, как вошла, но я дернул здоровой рукой, едва не вырвав иглу из вены: — Подождите… — сип вырвался из груди прежде, чем я успел подумать. — Пожалуйста… воды. В горле… пересохло. Не могу. В горле и правда стояла пустыня. Язык казался шершавым куском наждачки, царапающим нёбо при каждом вдохе, а в пищеводе жгло так, будто я наглотался раскаленного песка. Медсестра остановилась у самого порога. Обернулась через плечо, посмотрела на меня долгим, тяжелым взглядом, в котором боролись медицинский долг и какое-то скрытое опасение, а затем перевела глаза на стеклянный графин, стоявший на столике у противоположной стены.Она задержала на мне взгляд всего на две-три секунды — не дольше, но за этот миг в её глазах промелькнуло что-то похожее на панику. Ни слова не говоря, девушка развернулась на пятках и торопливо выскользнула за дверь, оставив меня в звенящей тишине. В коридоре снова глухо щелкнул металл. Секунды потянулись томительно долго. Жжение в горле стало почти невыносимым, язык прилипал к нёбу. Я уже подумал, что она просто сбежала, испугавшись чего-то в моем взгляде, но ровно через минуту ручка снова опустилась. Она вернулась. Всё такая же натянутая, как струна, но в её движениях появилась механическая, вынужденная уверенность — так ведут себя люди, которые заранее проговорили в голове каждый свой жест, чтобы не выдать дрожь. В руках у неё был пластиковый стаканчик с мутноватой прохладной водой. Девушка подошла к краю койки, держась на максимально безопасной дистанции, и свободной рукой слегка приподняла изголовье кровати. Механизм жалобно заскрипел. Рану на животе снова стянуло резкой болью, но я даже не обратил на это внимания, жадно уставившись на воду. Она протянула стаканчик, не спуская с меня настороженных глаз, готовая в любую долю секунды отшатнуться. Пальцы едва слушались, пластик смялся под моей ладонью. Я сделал один жадный, судорожный глоток, потом второй. Ледяная вода обожгла пересохшую гортань живительным холодом, смывая мерзкий привкус запекшейся крови и сухой пыли. Дышать сразу стало легче, туман в голове чуть отступил, уступая место главному, рвущемуся наружу вопросу. Я опустил стакан на одеяло и вцепился взглядом в её лицо: — Где они?.. — голос всё ещё ломался, но теперь звучал твёрдо, требовательно. — Мои друзья. Ева, Марк… Где они? Они живы? В этой больнице? Медсестра отшатнулась назад, будто я замахнулся на неё ножом. Стаканчик в моих руках дрогнул, расплескав пару капель на простыню. Её лицо побелело, губы сжались в тонкую бескровную полоску. В глазах девушки плеснулся чистый, неконтролируемый ужас — тот самый первобытный страх, который человек не способен сыграть. Она посмотрела на меня так, словно перед ней сидел не израненный выживший пациент, а восставший из гроба мертвец. — Следствие ведётся, — отчеканила она неестественно громко и резко, пятясь к дверному проему. Голос её дрожал, срываясь на фальцет. — Я… я не имею права разглашать конфиденциальную информацию. Завтра утром к вам придёт следователь, чтобы поговорить наедине. Все вопросы — к нему.Я вгляделся в её расширенные зрачки глубже — и внезапно понял кое-что жуткое. Она боялась не меня. Этот липкий, остекленевший страх в её глазах был страхом перед тем, что она уже увидела. Словно за несколько часов до этого ей пришлось перебирать на каталках разорванные на куски тела, и сейчас, глядя на моё живое лицо, она видела лишь отблеск той бойни. По спине мгновенно прошиб ледяной табун мурашек. Кожу стянуло холодом, волоски на предплечьях встали дыбом. От этого внезапного, судорожного спазма тело отозвалось новой вспышкой боли: шов на животе дёрнуло так, будто толстые нити готовы были лопнуть прямо под марлей. Внутри оборвалось всё. Картинка начала складываться в невыносимую, кошмарную догадку: здесь что-то не так. Нормальные врачи так не говорят. Они успокаивают, они врут во спасение, они отводят глаза. Но она бросила слова о следствии так, будто читала протокол с места массового захоронения. Они мертвы. Марк, Ева, Феликс… Они не просто ранены. Их больше нет. Медсестра не стала дожидаться моих новых

расспросов. Неловко повернувшись, она поспешно выскочила в коридор. Дверь захлопнулась с глухим, тяжелым стуком, и снаружи снова донесся резкий металлический щелчок закрываемого засова. Я остался один. Тишина обрушилась на меня многотонной плитой. Она больше не была стерильной — она стала ядовитой, гнетущей, заполненной неровным гулом флуоресцентных ламп и бешеным стуком крови в висках. Где они? Что, чёрт возьми, произошло в тех руинах? Я закрыл глаза, вжав затылок в жесткую подушку. За веками не было темноты — там плясали багровые пятна. Я изо всех сил попытался пробить стену в собственной голове, шагнуть назад, в ту проклятую ночь. Но память выдавала только ослепительные фотовспышки ужаса: ржавые перекрытия старого цеха, запах сырого бетона, дождь, барабанящий по разбитой крыше, и чей-то чужой, звериный хрип, эхом раскатывающийся по пустому зданию. Кто это был? И почему из всех нас уцелел только я?

Не выдержав этой гнетущей, давящей тишины, я перестал сопротивляться тяжести в веках. Седативные препараты из капельницы наконец добрались до воспаленного мозга, обволакивая мысли густой, мутной ватой. Боль в животе постепенно притупилась, сменившись тяжелым, тягучим онемением. Постепенно, но уверенно я начал проваливаться в сон. Как ни странно, в нем не было кошмаров — только безмятежная, вязкая пустота, даривша временное спасение от реальности. Угасающее сознание цеплялось за одну-единственную мысль: что же скажет следователь? Что на самом деле случилось с ребятами? Не зря говорят, что надежда умирает последней. Разум кричал о худшем, но сердце слепо отказывалось верить в неизбежное. Я отчаянно цеплялся за призрачный шанс: пусть не все, пусть хоть кто-то… хотя бы один из них должен был выкарабкаться. Марк с его упрямством, быстрая Ева, Феликс… Кто-то из них просто обязан был остаться в живых.

— Просыпайтесь, мистер Адриан, — чужая рука легонько, но настойчиво потрясла меня за плечо. Движение было выверенным и расчетливым: ровно такой силы, чтобы вырвать из сна, но не заставить резко дернуться и потревожить зашитые раны. Тьма, укутывавшая меня спасительным коконом, неохотно расступилась. Открыв глаза, я заморгал от резкого света палаты. — З-здравствуйте… — выдавил я. Голос прозвучал жалко, слабо и хрипло. У кровати стоял высокий мужчина в строгом темном пальто. В его осанке и тяжелом взгляде читалась та непреклонность, которую не спутаешь ни с чем. — Доброе утро. Я следователь Аарон, — произнес он сухо и тихо, как и подобает настоящему профессионалу, чья эмпатия давно превратилась в рабочий инструмент. — Я здесь по делу об убийстве троих человек. Я понимаю, насколько вам сейчас тяжело — и физически, и психологически. Но моя работа заключается в расследовании преступлений и допросах. Время играет против нас. «Об убийстве троих человек». Эти слова ударили меня под дых сильнее, чем лезвие прошлой ночью. Троих. Значит, никто. Марк, Ева, Феликс… Никто из них не выбрался. Наивная надежда, за которую я так отчаянно цеплялся перед сном, с хрустом рассыпалась в пыль. В палате повисло тяжелое, удушливое молчание, нарушаемое только писком кардиомонитора. Я закрыл глаза, чувствуя, как к горлу подкатывает ком из слез и тошноты. — Да… всё в порядке, — произнес я наконец, заставив себя посмотреть ему прямо в глаза. Отдышавшись, я почувствовал, что голос пришел в норму, зазвучал ровнее и гармоничнее. — Я понимаю, что это ваша обязанность. Спрашивайте.

Следователь Аарон не стал повышать голос и тем более бросаться обвинениями. Напротив, в его поведении появилась та вкрадчивая, методичная мягкость, которой опытные следователи усыпляют бдительность свидетелей. Он медленно отодвинул металлический стул с выцветшей серой обивкой от стены, поставил его ближе к кровати и сел, расстегнув пуговицы своего тяжелого темного пальто. Его глаза — цепкие, серые, цвета застывшего бетона — бесстрастно сканировали моё лицо, фиксируя каждую судорогу челюсти, каждую испарину на лбу. — Спокойно, Адриан. Дышите глубже, — произнес он ровным, почти убаюкивающим тоном, достав из внутреннего кармана тонкую шариковую ручку и старый блокнот в кожаном переплете. Диктофон остался лежать между нами, мерцая едва заметным красным глазом индика-

тора. — Никто вас ни в чём не обвиняет. Вы сейчас — единственный выживший. Наш единственный свидетель и ключ к тому, чтобы найти тех, кто это совершил. Но чтобы мы могли действовать, мне нужна хронология. С самого начала. Я судорожно выдохнул. Кардиомонитор у изголовья чуть сбавил темп, хотя металлический привкус во рту никуда не исчез. Живот пульсировал тупой, ноющей болью, словно каждое сказанное слово натягивало хирургические нитки. — Мы… мы просто хотели снять видео, — начал я, с трудом сглатывая слюну. — Обычный сталк. Никакого криминала. — С чего все началось? — Аарон оперся локтями на колени, чуть подавшись вперед. — Кто подал идею? — Марк. Мы собрались у Феликса около восьми вечера. На его старой кухне… Перед глазами словно по щелчку всплыла эта сцена, обретая пугающую четкость: Узкая, прокуренная кухня на пятом этаже панельки. На столе — распечатанная на принтере спутниковая карта промзоны, термос с остывшим чаем и груда оборудования: запасные аккумуляторы, налобные фонари, рулон армированного скотча. Марк стоял у распахнутой форточки, жадно затягиваясь сигаретой. Ветер снаружи уже набирал силу, срывая с веток первые капли ливня. «Я вам говорю, охрану с южного крыла завода сняли ещё во вторник, — убеждал он, тыча пальцем в карту. — Там в подвалах бомбоубежище, в которое никто не спускался тридцать лет. Феликс, если мы первыми снимем гермодвери и старые архивы — ролик разорвет просмотры». — Феликс сразу согласился? — мягко перебил следователь, делая короткую пометку в блокноте. — Феликс сомневался, но он всегда загорался, когда речь заходила о редких кадрах. Он потратил последние деньги на стабилизатор для камеры. А вот Ева… — я запнулся, чувствуя, как горло снова перехватывает спазм. — Ева была категорически против. Она говорила, что сводка погоды ужасная, что циклон накроет город к полуночи. Говорила, что в такой дождь бетонные плиты могут просто обвалиться. Марк тогда ещё посмеялся над ней… назвал паникершей. Если бы мы её послушали… боже, если бы мы просто остались дома. — Не вините себя задним числом, это бессмысленно, — сухой голос Аарона вернул меня в палату. — Во сколько вы добрались до завода? — Около половины первого ночи. Шторм уже начался. Ливень стоял стеной, дворники на машине едва справлялись. Мы оставили старую машину Феликса в лесополосе, метрах в трехстах от периметра, чтобы не привлекать внимания сторожей, если они там вообще были. Дальше шли пешком через грязь и пустырь. — Забор был цел? Следы чужого присутствия видели? Чужие машины, свет фар? Я нахмурился, пытаясь вытащить из памяти малейшую деталь: Темнота. Вой ветра, сгибающий сосны. Подошвы кроссовок скользят по раскисшей глине. Впереди, в свете молнии, вырастает гигантский скелет заброшенного сталелитейного цеха — разбитые окна верхних ярусов похожи на пустые глазницы черепа. — Нет… забор из сетки-рабицы был просто отогнут снизу. Старая дыра, там все местные подростки годами лазили. Никаких чужих машин не было. Только шум ливня, который глушил вообще все звуки. Когда мы протиснулись внутрь главного цеха, внутри стоял гул… как в пустой цистерне. — Опишите, что было внутри, — следователь не сводил с меня глаз. — Огромный пустой зал. Высоченные потолки, ржавые балки перекрытий. На полу битый кирпич, лужи машинного масла вперемешку с дождевой водой, которая капала с пробитой крыши. Мы включили фонари. Феликс сразу нацепил налобную камеру и начал вести запись, комментировал каждый шаг вполголоса. Мы прошли через производственный зал к лестнице вниз… — Стоп, — Аарон поднял руку с ручкой, останавливая меня. — Лестница в подвал. Дверь туда была открыта? Я замер. В висках снова застучал мерзкий, тягучий импульс боли. Тяжелая, обитая металлическими листами дверь. Ржавая ручка. Марк дергает ее на себя, упираясь ногой в стену. Металл визжит от сопротивления, петли с хрустом поддаются, осыпая нас хлопьями рыжей ржавчины. — Она была прикрыта, но не заперта, — медленно произнес я. — Замка не было. Марк открыл её сам. Там начинались бетонные ступени вниз. Там было холоднее, чем на улице, и стоял запах… сырости, затхлости и чего-то сладковато-приторного. Мы думали, там сдохла бродячая собака или крысы. — И вы все спустились? — Да. Сначала Марк, за ним Феликс с камерой, потом я. Ева шла последней, постоянно оглядыва-

лась и просила нас вернуться. Мы дошли до развилки коридора… — И там на вас напали? — следователь слегка наклонился вперед, его тон стал предельно сосредоточенным. — Кто это был, Адриан? Вы видели силуэт? Слышали шаги? Было ли оружие? Я зажмурился так сильно, что перед глазами поплыли цветные круги. Я отчаянно пытался пробить эту вязкую, черную стену в голове. Вспышка. Луч фонаря метнулся по потолку. Крик Евы — высокий, сорванный, полный животного ужаса. Звук удара. Камера Феликса с грохотом летит на пол, фонарь крутится на бетоне, выхватывая чьи-то тени на стене. Тьма. В воздухе свистит металл. Марк орет во все горло: «Бегите к выходу! Бегите!»… Потом резкая вспышка обжигающего пламени в животе, как будто меня проткнули раскаленным ломом. Я падаю лицом в холодную жижу. Чьи-то тяжелые шаги прямо у моего уха… хриплое, нечеловеческое дыхание… Монитор у кровати забился частой дробью: пик-пик-пик-пик. Сердце колотилось в горле, рана под бинтами отозвалась новой волной огня. — Я… я не видел лица! — с отчаянием выдохнул я, распахнув глаза и глядя на следователя. — Там погас свет! Были только крики и удары! Я упал, меня полоснули чем-то острым… лезвием или стеклом, я не знаю! Я отключился от боли! Аарон не перебивал. Он выждал долгих пять секунд, пока моё прерывистое дыхание хоть немного не выровнялось. Затем он аккуратно закрыл блокнот, спрятал ручку и посмотрел на меня тяжелым, полным скрытого смысла взглядом. — Вы говорите, что дверь в подвал была не заперта и вы просто спустились? — очень тихо переспросил он. — Да… я же только что всё рассказал. Следователь медленно покачал головой: — Эксперты-криминалисты работали на месте до шести утра, Адриан. Когда приехала опергруппа по вызову скорой, массивная стальная дверь в подвальный отсек была заперта. На тяжелый амбарный засов. Изнутри. Воздух в палате словно мгновенно выкачали насосом. Мое сердце пропустило удар. — Ч-что?.. — прошептал я. — Засов находился с вашей стороны, — бесстрастно продолжил Аарон, не повышая голоса. — В помещении не было ни выходов наружу, ни вентиляционных шахт, куда мог бы протиснуться человек. И главное: под ногтями погибшего Марка эксперты нашли частицы волокон ткани и следы чужой кожи. Он отчаянно боролся перед смертью. Следователь замолчал, давая смыслу своих слов осесть в моей голове, а затем добавил: — Мы взяли образцы вашей ДНК, пока вы были без сознания на операционном столе. Результаты будут к вечеру. А пока… попытайтесь вспомнить ещё раз, Адриан. Очень хорошо попытайтесь. Кто на самом деле закрыл засов?

Глава 2

Глава 2. Чужой след Следователь ушёл, оставив после себя лишь холодную, давящую тишину. Тяжёлый металлический лязг засова снаружи резанул по нервам. Звук был однозначным: меня заперли. До самого вечера, пока криминалисты возятся с пробирками, я оставался главным подозреваемым в резне, о которой почти ничего не помнил. «Под ногтями Марка нашли частицы кожи». Фраза стояла в ушах, заглушая мерный писк приборов. Если Марк дрался… если он впивался пальцами в того, кто на нас напал, то на теле ублюдка должны были остаться следы. Я задрал рукава больничной рубахи, разглядывая собственные руки. На правом предплечье темнел длинный синяк от удара о бетон, на тыльной стороне ладони желтел след от капельницы. Я осторожно провел пальцами по щекам, шее, ключицам. Кожа была влажной от липкого пота, но совершенно целой. Ни одной царапины. Ни единого следа ногтей. Значит, это был не я. Быть не могло. В темноте подвала, когда погасли фонари, Марк сцепился именно с тем, кто зажал нас в тупике. С тем чудовищем, чей тяжелый хрип эхом отдавался от бетонных стен перед тем, как лезвие распороло мне живот. Время до вечера тянулось невыносимо. Серая полоса света за жалюзи медленно угасала, сменяясь глухими синими сумерками.

Кардиомонитор у изголовья размеренно отсчитывал секунды, пока я лежал, уставившись в потолок, и прокручивал в голове лица ребят. Феликс с его вечной камерой. Марк, уверенный, что все под контролем. Ева, которая умоляла повернуть назад еще у ворот… Их больше не было. Осознание накатывало тяжелыми, удушливыми волнами, от которых перехватывало дыхание так сильно, что швы на животе начинали пульсировать острой болью. Около восьми вечера в коридоре снова раздались твердые, размеренные шаги. Засов лязгнул, дверь отворилась. На пороге снова стоял следователь Аарон. Он вошел молча, не снимая пальто, и остановился у края кровати. В руке он держал распечатанный лист бумаги в прозрачном файле. Его лицо больше не казалось насмешливым или давящим — на нем застыло глухое профессиональное недоумение. — Экспертиза готова, Адриан, — произнес он, опускаясь на металлический стул. Я задержал дыхание, вцепившись пальцами в край простыни: — Что там? Аарон вытащил распечатку и положил ее передо мной на одеяло. Сверху стоял гербовый штамп судебно-медицинской лаборатории, а ниже шли длинные таблицы буквенно-цифровых маркеров. — Ты чист, — сухо сказал следователь. — Эпителий под ногтями погибшего принадлежит мужчине, но совпадений с твоим образцом нет. Ни по одному показателю. Воздух с хрипом вырвался из моих легких. Плечи сами собой опустились. — Я же говорил… — выдохнул я, чувствуя, как по щеке предательски ползет горячая капля. — Нас загнали в угол. Мы даже не видели, кто это был. — Знаю, — Аарон потер переносицу, и в его голосе впервые прозвучала искренняя усталость. — Но от этого легче не становится. Дверь была заперта изнутри на полутораметровый стальной брус. Вентиляционные шахты завалены еще в девяностых. И теперь у меня на руках три трупа, один тяжелораненый подросток и биоматериал неизвестного субъекта, которого нет ни в одной федеральной базе. Следователь поднялся, аккуратно застегнул пальто и посмотрел на меня сверху вниз долгим, изучающим взглядом: — Завтра утром тебя переведут в хирургическое отделение. За дверью поставят дежурного — не для ареста, а для твоей безопасности. Если тот, кто оставил свой след под ногтями твоего друга, узнает, что ты выжил… он может захотеть закончить начатое.

Отдыхай, Адриан. Нам еще предстоит понять, как призрак сумел выйти из запертого бункера. Дверь закрылась. На этот раз засов снаружи не щелкнул. Я остался один в полутьме палаты, глядя на лист с отрицательным результатом экспертизы. Я был жив, невиновен и свободен от подозрений закона. Но вопрос, оставленный Аароном, повис в воздухе тяжелым топором: если убийца не я, то кто и как сумел выбраться из запертого ада?

Ночь после ухода Аарона тянулась бесконечно. Сон не шёл — действие сильных седатиков сменилось липкой, изматывающей полудремотой. Стоило закрыть глаза, как мозг против воли начинал воспроизводить обрывки той бойни: треск разбитого стекла, сырой холод подвала и крик Евы, захлебнувшийся в темноте. Но теперь к этому ужасу примешивалось жгучее, разъедающее чувство вины. Я остался жив. Экспертиза доказала мою непричастность, но легче от этого не стало ни на грамм.

Трое моих друзей лежали в городском морге, а я лежал здесь, под капельницей, разглядывая белые плитки потолка. Утро началось без предупреждения — со щелчка обычного дверного замка. Никакого лязга засова. В палату вошли двое санитаров в зеленых халатах, катя перед собой кресло-каталку. Следом за ними появилась пожилая, усталая медсестра с планшетом — уже не та испуганная девочка из реанимации, а совершенно незнакомая женщина с равнодушным, будничным взглядом. — Адриан? С переводом вас, — сухо бросила она, сверяясь с картой. — Собирать тут особо нечего. Встать сможешь или помочь пересадить? — Сам… попробую, — выдохнул я. Каждое движение отзывалось в животе тупой, натягивающей болью. Опираясь на плечо крупного санитара, я медленно спустил босые ноги на ледяной линолеум. Земля под ногами качнулась, к горлу на секунду подступила дурнота, но тело выдержало.

Меня усадили в кресло, набросили на плечи серую казенную больничную кофту и повезли к выходу. В коридоре хирургического отделения кипела обычная больничная жизнь, от которой я за эти сутки успел отвыкнуть. Пахло хлоркой, переваренной пшенной кашей и дешевым кофе. С грохотом проехала тележка с медикаментами, в конце коридора громко спорили врачи, у процедурного кабинета сидели двое мужчин в тренировочных штанах с загипсованными руками.

И только одна деталь выбивалась из этой повседневности: у дверей палаты, из которой меня только что вывезли, стоял плотный мужчина в гражданской куртке с рацией на поясе. Опер. Он проводил меня цепким, тяжелым взглядом и неторопливо пошел следом, держа дистанцию в несколько метров.

Следователь сдержал слово: меня больше не держали взаперти, но от внешнего мира теперь отделяла живая охрана. Меня вкатили в двухместную палату на третьем этаже. Соседняя койка у окна была аккуратно заправлена и пустовала. Здесь было гораздо светлее: широкое окно без решеток выходило на серый больничный сквер, где мокрый от вчерашнего ливня асфальт устилали первые облетевшие листья. — Перебирайся, парень, — санитар придержал колеса кресла. — Сейчас дежурный хирург придет на перевязку. Через десять минут в палату вошел плотный мужчина лет сорока пяти с короткой седеющей бородкой. На бейдже значилось: «Смирнов А. В., врач-хирург высшей категории». — Ну что, герой криминальных хроник, давай поглядим, что тебе там в дежурке понашили, — беззлобно, чуть хрипло произнес он, натягивая перчатки.

— Рубаху вверх. Не дергайся. Он ловко срезал ножницами марлю. Липкий пластырь отошел с неприятным жжением, обнажив длинную багровую дугу шва. Доктор склонился ближе, пальпируя края раны через латекс. — Ушито чисто, края сопоставили на совесть, — пробормотал он себе под нос, протирая кожу вокруг разреза смоченным в йодопироне тампоном. — Воспаления нет, гематома умеренная. Только… странно. Хирург на секунду замер, приглядываясь к коже чуть выше шва, ближе к правому ребру. — Что там? — напрягся я. — Да нет, ничего критичного. Просто пигментация необычная. Видишь эту полосу? — он слегка нажал пальцем на участок кожи, который был заметно бледнее окружающих тканей, словно шел ровным, почти мраморным клином вдоль реберной дуги. — Ткани восстанавливаются с разной скоростью. Справа рубец уже сухой, а слева еще тянет сукровицу. И цвет кожи… будто две разные текстуры сошлись. Врожденное? — Врожденное, — тихо отозвался я, вспоминая, как еще в детстве мать отмахивалась от моих вопросов, называя эту полосу обычным родимым пятном. — Всегда так было. — Бывает, — пожал плечами врач, уже накладывая свежую сте-

рильную повязку и фиксируя ее эластичной сеткой. — Мозаицизм какой-нибудь или просто сосудистая сетка шалит. Главное, что внутренние органы целы, печень не задета — лезвие прошло вскользь по фасции. Рубашка у тебя, считай, железная.

Организм молодой, крепкий. Дня три-четыре полежишь, дренаж снимем, понаблюдаем динамику — и выпишем под амбулаторный контроль. Все равно полиция тебе здесь покоя не даст. Он похлопал меня по плечу, выбросил использованные перчатки в урну и вышел, оставив дверь слегка приоткрытой. В узкую щель я снова увидел того самого оперативника в куртке. Он прислонился спиной к стене коридора, лениво листая что-то в телефоне, но его присутствие ясно напоминало: спокойная жизнь закончилась. Я осторожно повернулся на бок, глядя в окно на пасмурное небо. Боль в животе постепенно притуплялась, становясь привычной. Вопрос с подозрениями был закрыт — генетика поставила точку. Но впереди было самое страшное. Через несколько дней мне предстояло выйти за эти больничные ворота, посмотреть в глаза родителям погибших ребят и попытаться понять: кто тот монстр, который вышел из запертого подвала, оставив меня в живых?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.